

Научная статья
УДК 81'373.21
doi: 10.17223/15617793/517/2

Топонимия Ингерманландии: эволюция методов научного описания

Александр Владиславович Дмитриев¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, avd84@list.ru

Аннотация. Исследование представляет первый систематический анализ развития топонимических исследований Ингерманландии с XIX в. до современности. На основе обширного теоретического материала прослежена эволюция научных подходов от картографических работ Й.Ф. Бергенгейма и лингвистических исследований А.И. Гиппинга до современных цифровых методов и ГИС-технологий. Выявлены ключевые этапы развития топонимических исследований Ингерманландии, проанализированы основные методологические подходы российских, финских, эстонских и шведских исследователей. Работа создает основу для дальнейшего изучения региональной топонимики.

Ключевые слова: Ингерманландия, топонимика, ономастика, историческая география, финно-угроведение, славистика, картография, цифровые гуманитарные науки

Для цитирования: Дмитриев А.В. Топонимия Ингерманландии: эволюция методов научного описания // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 17–32. doi: 10.17223/15617793/517/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/2

Toponymy of Ingermanland: Evolution of scientific description methods

Aleksandr V. Dmitriev¹

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation, avd84@list.ru

Abstract. The article addresses a critical gap in toponymic studies by providing the first systematic review and analysis of research materials on Ingermanland toponymy from the 19th century to the present. The study's primary objective is to systematize the accumulated theoretical and practical experience in the field of Ingermanland toponymic research, which has never been comprehensively reviewed before. The research is based on extensive source materials, including historical maps, archival documents, field research data, academic publications, and bibliographies spanning over two centuries. The methodology combines historical-bibliographic analysis with comparative and systematic approaches. The author employs both diachronic and synchronic methods to trace the evolution of toponymic research in the region. The study systematically analyzes research paradigms, methodological frameworks, and theoretical foundations developed by different scholarly traditions – Russian, Finnish, Estonian, and Swedish – in their investigation of Ingermanland toponymy. The chronological analysis reveals distinct stages in the development of Ingermanland toponymic research. The early period of the 19th century was marked by the initial cartographic interpretation of toponyms by J.F. Bergenheim in 1827, the first linguistic analysis of Ingermanland toponymy by A.I. Hipping, and significant contributions by P.I. Köppen to the ethnic geography of the region. This period also saw the first systematic analysis of Finno-Ugric anthroponymy. The early 20th century brought the development of systematic approaches to studying settlement structures, integration of parish registers and church records into toponymic research, and the emergence of comparative linguistic analysis methods. By the mid-20th century, the field had witnessed the establishment of regional toponymic schools, development of field research methods, and creation of the first toponymic card indexes. The contemporary period has been characterized by the implementation of digital methods and GIS approaches, development of automated toponymic databases, and integration of multilingual and cross-cultural perspectives in research methodology. The study's findings reveal several key contributions to the field. First, it establishes a clear periodization of Ingermanland toponymic research development. Second, it identifies and analyzes major theoretical and methodological approaches that have shaped the field. Third, it demonstrates how research methods have evolved from simple etymological studies to complex interdisciplinary investigations. Fourth, it highlights the significant role of digital technologies and GIS methods in modern toponymic research of the region. The research concludes by presenting a structured framework for understanding the historical development of Ingermanland toponymic studies and identifying areas requiring further investigation. The paper's practical significance lies in its comprehensive systematization of research approaches and methods, which can serve as a foundation for future studies in regional toponymy.

Keywords: Ingermanland, toponymy, onomastics, historical geography, Finno-Ugric studies, Slavic studies, cartography, digital humanities

For citation: Dmitriev, A.V. (2025) Toponymy of Ingermanland: Evolution of scientific description methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 17–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/2

Введение

В современной региональной топонимике накоплен достаточно широкий теоретико-методологический арсенал средств для описания топонимов в онтологическом смысле, а также рассмотрения когнитивных процессов функционирования, восприятия и организации топонимов. К настоящему времени в отечественной традиции сформирован богатый опыт исследования топонимов, представленный в работах А.В. Суперанской, Ф.П. Сороколетова, Ю.А. Карпенко, Л.Е. Кириллова, В.А. Никонова, А.К. Матвеева и других исследователей. Особую роль играют сформировавшиеся региональные топонимические школы со своими локальными традициями и подходами, яркими представителями которых являются А.С. Герд (Петербургская), А.Л. Шилов (Московская), Ю.И. Чайкина (Вологодская), И.И. Муллонен, Д.В. Кузьмин, Н.Н. Мамонтова (Карельская), А.К. Матвеев и Е.Л. Березович (Екатеринбургская/Уральская), М.Г. Атаманов (Удмуртская), А.Н. Куклин (Марийская), И.К. Инжеватов (Мордовская), А.Г. Мусанов (Коми).

Актуальность исследования обусловлена отсутствием до настоящего времени комплексного анализа и систематизации научно-теоретического материала по топонимии Ингерманландии.

Ингерманландия – это этнокультурный и исторический регион площадью в 15 000 км² на прибалтийско-финском пространстве Русского Севера, расположенный между р. Наровой, южным берегом Финского залива и юго-западным побережьем Ладожского озера, имеющий фиксированные границы, установленные Столбовским мирным договором 27 февраля 1617 г. и сохранивший неофициальное церковное деление на 27 лютеранских приходов. Многие из них были утверждены шведским правительством в период с 1611 по 1685 г. Сегодня Ингерманландия инкорпорирована в Ленинградскую область и покрывает преимущественно ее западные районы, а именно: Кингисеппский, Ломоносовский, Волосовский, Гатчинский, Тосненский, Всеволожский и часть Кировского района до реки Лава.

Ингерманландия – древнейшая зона контакта русских и финнов. Она формировалась в результате взаимодействия дофинно-угорской, финской и русско-финской культур. Костяк топонимической системы Ингерманландии составляют названия прибалтийско-финского происхождения, однако не менее распространены также названия славянского корня. Имеется некоторое количество названий субстратного происхождения, которые не поддаются этимологизации средствами славянских и прибалтийско-финских языков. Кроме того, проблемой является также то, что у одного объекта могут быть дублетные названия.

Географические названия этого региона до сих пор остаются без должного систематического рассмотрения, учитывающего все аспекты – историко-географические, картографические, полевые, краеведческие, историко-этимологические.

Целью данного исследования является обобщение и систематизация накопленного опыта в области исследования топонимов Ленинградской области и в

частности Ингерманландии начиная с первых работ XIX в. до современности. К задачам исследования можно отнести анализ эволюции подходов к изучению топонимии региона; выявление основных этапов развития топонимических исследований; определение вклада различных научных школ и традиций; проследивание развития методологического инструментария; систематизацию накопленных научных данных.

Методология исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем историко-библиографический анализ, сравнительно-исторический метод, системный анализ источников, картографический метод, этимологический анализ. Соответственно, источниковую базу исследования составили исторические карты и картографические материалы, архивные документы, результаты полевых исследований, научные публикации XIX–XXI вв., а также библиографические указатели. С большинством источников автор самостоятельно работал в архивах Швеции, Финляндии и России.

В свое время вышло две библиографии по ономастике Ингерманландии, которые были использованы в настоящей статье. Первая – это «Inkerin bibliografia», составленная Я. Эломаа в 1981 г. [1]. Вторая библиография вышла в 2000-х гг. и явилась обновлением библиографии Я. Эломаа. Она была составлена эстонской исследовательницей М. Йоалайд и отразила исследования 1990-х гг., в том числе русскоязычные. Остальной материал был дополнен автором более поздними работами, вплоть до 2020-х гг., по этой теме.

Ранний период изучения топонимии Ингерманландии

По всей видимости, первый опыт осмысления топонимического содержания исторических карт Ингерманландии принадлежит Й.Ф. Бергенгейму, автору «Карты бывших губерний Иван-города, Яма, Капорья, Нотэборга» [2].

Значимым этапом в развитии картографических исследований Ингерманландии стала дипломатическая передача Российской империи 5 февраля 1825 г. комплекса шведских картографических материалов XVII–XVIII столетий, ранее хранившихся в архивах Стокгольма. Данное событие послужило катализатором для активизации научно-исследовательской деятельности в области исторической картографии региона. Военно-топографическое депо департамента Генерального Штаба под руководством Ф.Ф. Шуберта инициировало масштабный проект по систематизации и научной обработке полученных картографических источников с целью создания актуализированного картографического материала. Результатом этой работы, согласно официальному отчету Ф.Ф. Шуберта 1827 г., стало создание реконструированной карты Ингерманландии, отражающей историческое состояние территории по состоянию на 1676 г. [3. С. 14].

В процессе реализации картографического проекта его непосредственный исполнитель, Й.Ф. Бергенгейм, действовавший по поручению руководителя Военно-топографического депо Ф.Ф. Шуберта, зафиксировал значительный массив топонимических данных, атрибуция которых средствами шведских картографических источников XVII столетия представляет существенную научную проблему.

Данное обстоятельство создает отдельное исследовательское поле в области исторической картографии и топонимики Ингерманландии: «Карта не является в полном смысле копией с конкретной шведской генеральной карты Ингерманландии. Она включает реконструктивные элементы, уже не существовавшие во 2-ой половине XVII века» [3. С. 14]¹. Это связано с тем, что Й.Ф. Бергенгейм взял, очевидно, за основу для своей карты сразу несколько шведских карт, составленных в 1670-е гг. по результатам генеральной земельной ревизии Ингерманландии. Оригиналы этих карт хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве: «Геометрическое разделение Копорского лена, как оно было произведено при генеральной земельной ревизии Ингерманландии в 1677–1678 гг.»²; «Разрозненные генеральные и дозорные карты Ингерманландии и Алентаки»³; «Сводные карты погостов Ивангородского, Ямского и Копорского ленов, а также Дудергофского погоста, 1679 г.»⁴.

Несмотря на ошибки и неточности на карте Й.Ф. Бергенгейма, этот опыт можно считать первой попыткой картографического и историко-географического осмысления и представления топонимического ландшафта допетровской Ингерманландии на карте. Эта карта и сегодня пользуется популярностью среди ученых-ономастов.

Фундаментальные основы лингвистического исследования топонимической системы Ингерманландии были заложены в научных трудах А.И. Гиппинга, который впервые в историографии осуществил структурно-формантный анализ топонимического материала, зафиксированного в историко-картографических источниках региона: локализация деревни (*-la/-lä, -sta*), деревня при ручье (*-oja*), реке (*-joki*), озере (*-järvi*), в лесу (*-korpi*) и т.д. [4]. Картографический метод (т.е. использование исторических карт) в совокупности с формантным, очевидно, заложили основу для изучения топонимической системы региона.

Благодаря трудам академика П.И. Кёппена стало известно о том, в каких местах Санкт-Петербургской губернии были расселены водь, ижора, савакот и эврейсы в середине XIX в., что также послужило хорошей практической базой для топонимического анализа в дальнейшем, ведь П.И. Кёппен записал названия поселений в двух вариантах – прибалтийско-финском и русском, зафиксировав, таким образом, дублетный характер ойконимов и картографировав полученные результаты [5, 6].

Одно из первых наблюдений в области прибалтийско-финской антропонимики Ингерманландии относится к 1857 г., когда вышла статья финского врача и переводчика В. Килпинена, который рассмотрел некоторые фамилии финских жителей юго-восточного ингерманландского прихода Лииссиля (*Liissilä*), находящегося в историческом Ижорском погосте. Среди его жителей были носители таких интересных и древних финских фамилий, как *Lorvi, Malkki, Susi, Kekäle, Törö, Kirppu, Pukki, Kiuru, Väärä, Kupri, Repo* и не только. По замечанию В. Килпинена, эти имена являли собой древнее наследие финского народа в дохристианскую эпоху и в старину подвергались уничтожению или

трансформациям со стороны священников и военных, особенно в эпоху шведского владычества [7].

В 1859 г., как известно, Археографическая комиссия начинает масштабный проект по публикации новгородских писцовых книг, что становится предметом живого обсуждения и материалом для новых научных изысканий, и к концу XIX в. ученые получают «в руки» документацию сразу по трем пятинам: в 1859 и 1862 гг. – по Деревской; в 1868 г. – по Водской; в 1886 г. – по Шелонской.

Издание этих книг не заставило себя долго ждать, и в 1898 г. вышел труд эстонского филолога, этнографа и историка Ю.Ю. Трусмана «Чудско-литовские элементы в Новгородских пятинах. Ч. 1. Пятины Водская, Деревская и Шелонская». Автор представил географическую номенклатуру этих пятин в виде словаря (А–Я), с указанием гипотетической этимологии и привязки к погостам. Довольно много в словаре и антропонимов – имен и фамилий налогоплательщиков. Далеко не все предложенные Ю.Ю. Трусманом этимологии могут быть использованы сегодня в прибалтийско-финской ономастике⁵, однако это была, по сути, первая попытка комплексного анализа топонимической системы северо-западных рубежей Московского царства конца XV–XVI вв., включая уезды и погосты на территории исторической Ингерманландии [8].

После этой работы, как ожидалось, должны были бы выйти в свет подобные ей труды критического характера, с полемикой и возражениями против некоторых этимологических гипотез Ю.Ю. Трусмана, однако на какое-то время наступило затишье, а в печать выходили в основном эссе, касающиеся отдельно взятых названий.

Например, историк Р. Саксен в конце XIX в. опубликовал заметку о гидронимах *Нарова* и *Нева*, где одним из первых предложил скандинавскую версию происхождения этих названий, ссылаясь на однокоренные топонимы и антропонимы, распространенные (и бытовавшие в древности) в Швеции и Норвегии. Он считал, что происхождение *Narvi* ведет свою историю из древне-шведского *Narfi* (или *Nörfi* из исландского), который позже был адаптирован в шведской топонимике. При этом он связал с этой группой имена с ясным вокализмом *Närpes, Närva, Närvi*, где чередование *a/ä* встречается как в скандинавской, так и в финской областях [9. С. 62]⁶.

Этимологии названия *Дудергоф* коснулся Я. Миккола, связав его германизированную топооснову *duderp-* с финским этимологом *tuutari (tunturi)*, который, по мнению ученого, имеет восточно-саамское происхождение и прослеживается в заимствованном в русский язык слове *тундра* [10. С. 100].

В 1903 г. последовал ответ российского филолога Н.М. Тупикова, который составил словарь древнерусских личных имен – по сути, первый антропонимикон, – опираясь на обширный документальный фонд. Он рассмотрел отдельно мужские и женские имена, а также отчества. Его работа содержит огромное количество выявленных в документах христианских, дохристианских имен и различных прозвищ. Уделено внимание тому, как отличать личные имена и прозвища (в

том числе фамильные), приводятся примеры антропонимов, в составе которых личное имя и прозвище и т.д. [11].

Первые системные исследования ономастикона Ингерманландии в начале XX в.

В 1906 г. вышла в свет работа «Налоговая книга Водской пятины Новгород 1500 г. и карельское поселение того времени» Я.В. Ронимуса, финского преподавателя истории, географии и финского языка. Он обратился к писцовым материалам по Корельскому уезду Водской пятины, сделал перевод документа на финский язык и в качестве научного комментария дал описание состава населения, его занятий и промыслов, вероисповедания, истории торговых отношений. Его труд стал первым исследованием, в котором была предпринята попытка системного анализа поселенческой структуры Карелии.

Ученый подсчитал количество деревень и хозяйств. Всего им было выявлено 943 ойконима и 42 названия пустошей в 7 погостах Корельского уезда Водской пятины. Для большинства русскоязычных ойконимов Я.В. Ронимус дал их современные финноязычные эквиваленты, варианты из шведской писцовой документации XVII в., а также относительные координаты: *Гюттмеево на Палговаль = Hytinlahti в Ряйсяля у Уннункоскелла; Корола = Kaarlahti в Кауколасса; в описи земель 1678 года: Karenlax* [12. С. 21]. Многие ойконимы снабжены этимологической трактовкой. В работе Ронимус поднимает также проблему славянских заимствований в прибалтийско-финский ономастикон.

Труд Я.В. Ронимуса послужил точкой отсчета в системном изучении прибалтийско-финской топонимии и антропонимии за пределами Карелии, так как ученый показал номенклатуру названий, многие из которых, как оказалось, имеют тесные структурно-этимологические корреляции с топоосновами и антропонимами, характерными для Ингерманландии.

В полемику с Я.В. Ронимусом позже вступил Х. Оянсуу, который рассмотрел семь сравнительных комбинаций из диссертации Я.В. Ронимуса (*Соболinna < 'соболя'; Saapru < Заборье; Salitsanrannan < Зальсье; Saaris < Зарьцье; Рорикьярва < Рюрикьярва, Ulahia < Вулахте; Pataksele < rato 'место, где есть плотина'*) и подверг сомнению его этимологии. Х. Оянсуу обратил внимание прежде всего на те этимологии, которые Я.В. Ронимус вывел из русской апеллятивной лексики. Например, упомянутое выше *Salitsanranta*, по мнению Х. Оянсуу, следует возводить к основе *sali*, которая широко представлена в восточной и западной Финляндии, – *Sali, Salia, Salikka, Salinen, Salittu*, а саму форму имени *Salitsa* можно сравнить с такими формами имен, как *Vari ~ Varitsala* (в современном разговорном языке *Vartala*) и др. [13. С. 115–116].

Саамский след в топонимии восточной части Ингерманландии попытался доказать П. Тойкка, который рассмотрел древнерусский летописный хороним *Лопь (Лопца)*, сравнив его с параллельным названием *Lippia* в папских буллах XIII в., и однокоренные с ним названия *Малая Лопца, Егорьевский Лопский погост* Водской пятины, *Лопская сторона*, придя к заключению,

что все эти онимы демонстрируют былое присутствие саамов в этой части Ингерманландии [14. С. 47–49].

Следует отметить, что среди первых исследователей топонимии Ингерманландии была также особая группа людей без специального филологического образования, чьи наблюдения над изменяющейся демографической, религиозной и этнической ситуацией в крае послужили некоторым толчком к научному обоснованию этих процессов в дальнейшем. Речь идет о лютеранских пасторах, имевших богословское образование, которые интересовались историей своего и соседних приходов, вели дневники, а приходские метрики служили для них не просто статистическим отчетом, но и материалом для собственных наблюдений исторического и лингвистического характера.

Например, таковы работы пастора А. Аавикко, который в период с 1910 по 1911 г. временно исполнял обязанности пастора в трех приходах Ингерманландии – Котлы (*Kattila*), Новоселки (*Novasolka*) и Соикино (*Soikkola*). Это объясняет, почему он был хорошо знаком с ситуацией в этих приходах и мог подробно описать процесс перехода ингерманландских финнов из лютеранства в православие.

Он привлек церковные книги 1778, 1888, 1900, 1910 гг. по этим трем приходам и обратил внимание в первую очередь на то, как именно были записаны названия деревень. Несмотря на то что главной задачей исследователя было проследить с 1778 по 1910 гг. численную динамику лютеранского населения (сведением статистики по жителям мужского и женского пола), А. Аавикко заметил, что если в книге 1778 г. все названия деревень написаны на «финский» манер (например, в Котельском приходе – *Kattiala, Korowais, Matautio, Namaster, Pummolitz, Pihlala, Rannala, Rassi, Tytitzä, Wolgonitz, Wiertewä, Willika, Rättilä, Kaipala, Koskolof, Habala*), то с 1888 г. рядом с финскими названиями стали подписывать русские, а к 1910 г. в церковных книгах и вовсе стали писать русские названия деревень. Причиной этому, полагает А. Аавикко, являются браки с православными и также прямой переход в православную церковь. К 1911 г. число лютеран во многих местах настолько уменьшилось, что прибалтийско-финские названия деревень больше не упоминались в церковных книгах [15. С. 137–139]. К слову сказать, у А. Аавикко есть аналогичная статья, посвященная поселениям прихода Губаницы [16].

Параллельно с этим продолжались исследования прибалтийско-финских антропонимов. Так, на основе проработки церковных документов О. Лоухелайнен представил список фамилий постоянных прихожан лютеранских приходов Ингерманландии в период русской администрации с 1721 по 1912 г. Он проанализировал, какие фамилии были в употреблении в XVIII – начале XIX в. и какие из них исчезли на начало XX в. Несмотря на то что исследование О. Лоухелайнен относительно далеко от собственно ономастического, его работа стала стартом в генеалогическом поиске и составлении родословной ингерманландских финнов [17].

Дальнейшее развитие методологии и ранние полевые исследования

Очень плодотворным периодом для изучения ингерманландской ономастики стали 1930-е гг., когда были исследованы новые ареалы прибалтийских финнов и получены новые диалектные данные (Я.Я. Ленсу), собран первый экспедиционный топонимический материал по водской ономастике (П. Аристе), введены в научный оборот новые документы (Я. Миккола) и не только.

Так, в 1932 г. финским лингвистом Я. Миккола был опубликован «Дневник» Иоганна Гезелиуса (*Diarium Visitationis Ingro-wadiacae Anno 1684*), нарвского суперинтенданта, который в 1684 г. посетил западно-ингерманландские деревни с целью проведения сегрегации, заключающейся в ограничении прав православных священников, а также с целью борьбы с местными дохристианскими культами среди водско-ижорского населения и его последующей катехизации. В дневнике Гезелиус указал, в каких населенных пунктах проживали водь и ижора. Я. Миккола составил карту (с указанием маршрута путешествия суперинтенданта) тех поселений, в которых побывал Гезелиус, и сделал, таким образом, «Дневник» доступным для широкой научной аудитории [18]. Следует отметить, что по части картографии исследование Я. Микколы коррелирует с работой Ю. Мустонена [19].

Особого внимания заслуживает работа Ю. Мустонена по фамилиям ингерманландских жителей, опубликованная в 1938 г. В ней исследователь обращается к фамилиям, выявленным в церковных книгах лютеранских приходов Ингерманландии (к сожалению, без указания приходов и деревень). Православное население края не затрагивается. Из 3000 выявленных фамилий подавляющее большинство имеют финское происхождение (*Suomalainen, Inkeroinen, Pyoriainen, Käkönen, Rokka, Eversti, Nokelainen, Kämärä* и др.), порядка 200 – шведское (*Adamsson, Ahlman, Dubbelman, Erikson* и др.), примерно 80 – немецко-эстонское (*Aavik, Artman, Albrecht, Braks, Dickman* и др.), около 50 – русское (*Aleksei, Flantsus, Levoska, Musikka, Musakka* и др.)⁷. Ю. Мустонен классифицировал все эти фамилии по различным лексико-семантическим группам: национальность (*Suomalainen* ‘финн’), географическое происхождение (*Karjalainen* ‘карельский’), названия животных (более 50 фамилий, такие, как *Karhu* ‘медведь’), птиц (*Kiuru* ‘жаворонок’), хозяйственную утварь (около 130 фамилий, например *Kirves* ‘топор’), профессии (более 80 фамилий, как *Mylläri* ‘мельник’), физические характеристики (*Mustonen* ‘черный’) и христианские имена (более 200 фамилий). Особенно много фамилий (более 500) происходит из региона Саво, что указывает на значительную миграцию отсюда. Ученый заметил также, что западно-финские фамилии встречаются чаще всего в финских деревнях прихода Косемкина в Западной Ингерманландии. Автор подчеркивает тесную связь финского населения Ингерманландии с Финляндией, отмечая общность национальности, веры, языка, обычаев и мента-

литет и приходит к выводу, что «финны Ингерманландии являются отпрысками финского народа, свежей и живой ветвью финского рода» [20].

Одной из важных и фундаментальных работ, вышедших до войны, стала докторская диссертация В. Ниссиля по названиям поселений в бассейне р. Вуоксы [21]. После нее стал расти интерес к изучению прибалтийско-финской гидронимии.

Во время войны снова вышло несколько работ по антропонимам ингерманландцев. В одной из них финским преподавателем и журналистом Э. Хиетакари рассматриваются личные имена ингерманландских финнов как свидетельство их финской идентичности. Всего Э. Хиетакари рассмотрел 179 фамилий, из которых в целом 148, или 82,68%, являются исключительно финскими. Кроме того, в выборку попали 12 таких фамилий, происхождение которых явно иностранное, в основном шведское или немецкое, но которые в течение веков адаптировались к финскому произношению. В этом случае доля таких имен составила 6,70%. Явно германских (шведских или немецких) было найдено только 10, или 5,59%. Э. Хиетакари считает, что если бы ингерманландские финны в большей степени русифицировались, их фамилии явно указывали бы на это. Русских или, точнее сказать, славянских фамилий в группе только 9, или 5,03%, т.е. меньше всего. Чисто финских или финизированных фамилий у ингерманландских финнов, согласно этой статистике, всего 89,38%. Доля иностранных фамилий (10,62%) среди ингерманландских финнов настолько низка, что в этом отношении даже финны Финляндии уступают им. Э. Хиетакари также проанализировал 535 личных имен и пришел к выводу, что такие имена, как *Aila, Aili, Oiva, Rauha, Sirkka, Valma, Inkeri, Sinikka, Viljo* и другие, являются более новым слоем финских крестильных имен, хотя и не настолько частотны среди населения [22].

Не теряет актуальности и работа В. Ниссиля по антропонимии сойкинских ижорцев (Nissilä 1943). Другие работы по топонимам Ингерманландии продолжали оставаться сугубо локальными, и если посвящены этимологическому разбору, то только отдельно взятых названий [23, 24].

Говоря о послевоенных исследованиях, касающихся имен, фамилий и прозвищ жителей Ингерманландии, нельзя не упомянуть фундаментальный труд С.С. Гадзяцкого «Ижорская земля в начале XVII в.», в котором он коснулся и прибалтийско-финской антропонимии. Подсчеты автора неславянских антропонимов позволили ему определить приблизительное соотношение славянского и прибалтийско-финского населения и прийти к выводу, что в XVI в. водь и ижора жили компактными островками среди славянского населения, преимущественно в погостах по южному побережью Финского залива [25. С. 4].

Попытку проследить общие ойконимические и гидронимические корреляции между Ингерманландией и Финляндией предпринял Э.А. Тункело. На материале некоторых отдельно взятых топонимических единиц (*Inkeroinen, Inkerilä, Laukaa, Laukaanjärvi, Haapavatia, Vatiäjärvi, Vatiala*), распространенных в восточной,

центральной и южной частях Финляндии, он попытался показать некогда имевшие место миграционные процессы ижоры и води с территории Ингерманландии в Финляндию. Так, название *Inkeroinen* (изначально деревни) в финском приходе Сиппола, по его мнению, указывает на то, что ижорское население Ингерманландии когда-то в прошлом переселилось жить на берега лососевых рек в приход Кюми. Э.А. Тункело конкретизирует даже место выхода этого населения – приход Хэваа, поскольку этноним «ингеройсы» (*inkeroiset*), как писал В. Поркка [26. С. 2], зафиксирован именно в том ареале ижорцев, а также на Сойкинском полуострове и в бассейне Нижней Луги. На Ингерманландию и западно-ингерманландских ижорцев указывает также ойконим *Inkerilä* в приходе Валкеала (деревня находится в водном бассейне верхнего течения р. Кюмийоки). Небезынтересна корреляция названия обширного древнего прихода Лаукаа (*Laukaa*), которое также встречается в приходе Куопио в составном названии озера *Laukaanjärvi*, и названия нижнего течения р. Луги – *Laukaanjoki*. Э.А. Тункело полагает, что некоторые из первопоселенцев древнего поселения Лаукаа в Центральной Финляндии были родом с берегов р. Нижней Луги в Ингерманландии, а Сойкинский мыс, например, назывался долгое время *Laukaanpuoli*. Здесь же интересен один из консонантных вариантов *Lavassaari*, бытовавший во времена В. Поркка на островах Финского залива, южном побережье материковой Финляндии и не берегу нижнего течения р. Луги. Более древний вариант этого онома – *Lavvasari*, который использовался на северном побережье Ингерманландии⁸ [27].

В 1956 г. вышла объемная статья В. Ниссиля «Slaavilaisia aineksia nimistöissä» [28], в которой ученый обратился к проблеме славяно-финских топонимических контактов, рассмотрев это не на примере изолированных названий, а целых топонимических гнезд, определенных конкретными ареалами в Финляндии, Восточной Карелии, Ингерманландии и не только.

В. Ниссиля проанализировал славянские заимствования в прибалтийско-финской топонимике, демонстрируя их широкое распространение в финском, водском, ижорском, вепском и карельском языках. Автор заметил, что особенно много русской топонимической лексики встречается в Восточной Карелии, на территории проживания вепсов и в Ингерманландии. В. Ниссиля выделил несколько основных групп заимствованных апеллятивов: транспортные (*poru* ‘паром’, *jaama* ‘дорога’), географические (*guba* ‘губа’, *luosa* ‘лужа’), религиозные (*kelja* ‘келья’, *sässönä* ‘часовня’), хозяйственные (*mellitisa* ‘мельница’, *sarain* ‘сарай’), профессиональные (*konovala* ‘коновал’, *korotniekka* ‘коробейник’) и др.

Особую ценность представляет анализ топонимических дублетов, помогающий прояснить происхождение «затемненных» финских названий. Например, название деревни *Pärspää* в Ингерманландии стало понятным благодаря его русскому соответствию *Lipova* (‘липа’). Ученый также исследовал дохристианские прозвища с суффиксами *-ska* и *-nainen* (например, *Miska*, *Iivanainen*), что позволило сделать выводы о характере заселения Финляндии в восточно-западном направлении.

Статья В. Ниссиля положила начало разностороннему, мультиязыковому рассмотрению прибалтийско-финских топонимов в аспекте языкового контактирования и интерференции и оказала влияние на последующие исследования, в том числе и топонимии Ингерманландии.

Становление научных школ, расширение полевых исследований и каталогизация ономастического материала

Примерно в это же время финскими лингвистами, историками и этнографами были предприняты первые попытки создания картотеки топонимов Ингерманландии, которая хранится сейчас в «Топонимическом архиве» Финляндии (*Nimiarkisto*). Самые ранние карточки по западно-ингерманландским приходам датируются 1953 г. за авторством П. Виртаранта. Позже картотеку обновляли П. Хакулинен (1958), М. Савела (1960), О. Химиляйнен (1964), В. Ниссиля (1973). Начиная с 1990-х гг. вклад стали вносить и отечественные исследователи – Н.О. Кирсанов и А.В. Крюков, которые дополнили базу микротопонимами (названия домов, колодцев, полей, лугов, лесов и т.д.). Такой ономастический пласт, как микротопонимия, сделал картотеку в каком-то смысле уникальной, поскольку топонимические сведения были получены от информантов, родившихся еще до революции и запомнивших старые водские, ижорские и финские ономы.

С 1960-х гг. интерес ономастов все больше стала привлекать Западная Ингерманландия, а именно ареалы води и смешанного водско-ижорского и водско-ижорско-финского населения. Соответственно в этой части региона стали проводиться активные системные полевые топонимические исследования преимущественно эстонскими финно-угроведами. Об этом свидетельствуют две топонимические коллекции, сохранившиеся в Институте эстонского языка в Таллине. Первая из них (639 карточек с названиями) представляет собой анонимный сборник Института эстонского языка, датируемый, вероятно, 1960-ми гг. и содержащий материалы всех диалектов водского языка, в том числе топонимы, взятые из опубликованных водских устных текстов. Вторая – это сборник «Emakeele Seltsi» (Общество родного языка). Эта коллекция состоит из 317 записей, полученных из деревни Маттия и всего ареала *vai-pooli*. Записи были составлены А. Лыхмусом летом 1972 г. В той или иной степени водская топонимия рассмотрена в работе И. Талве [29] и затронута в многотомном «Словаре водского языка» [30]. Наиболее богатыми на топонимы являются словари водского диалекта деревень Куровицы [31], Подмошье [32] и Краколье [33]. Некоторые названия деревень водского происхождения можно встретить в словаре ижорских диалектов Р. Нирви [34]. Рукописный 23-томный сборник П. Аристе «Этнология води», состоящий из 5 369 страниц текста с указателями, дневниками, предметами материальной культуры, стал впоследствии картотекой из 44 100 карточек, также содержит множество топонимов.

Водскую топонимию для науки «открыл» П. Аристе. Его известный труд «*Vadja kohanimedest*», вышедший в 1965 г., касается анализа «водского» следа в топонимии Эстонии и Эстонской Ингерманландии [35], хотя материал по диалектам воды П. Аристе собирал начиная еще с 1930-х гг.

Одной из важных заслуг П. Аристе является систематизация и ареальная дистрибуция водских поселений в соответствии с микрогеографическими областями, населенными водью в середине XX в. Центральной работой здесь можно назвать «*Über Wotische Ortsnahmen*» [36], которая является продолжением и расширением предыдущего исследования [35] и в которой П. Аристе постарался дать всесторонний обзор как самих водских ойконимов, так и ономастологических принципов номинации географических реалий водскими жителями. Кроме того, ученый продолжил исследования П.И. Кёпена и спустя более чем 120 лет представил новые данные по ареалам водского народа. Таким образом, П. Аристе, со слов самих местных жителей, были выделены следующие области «водского мира»: *maa-pooli*, *orko*, *vadda-pooli (vai-pooli)*, *julä-pooli*, *ranta-pooli*. Наряду с географическим расположением водских селений ученый проанализировал многие языковые особенности водских топонимов: их грамматические категории (падеж и число), альтернативные варианты, морфемно-морфологическую структуру, а также привел примеры водских имен собственных рек, озер, холмов, лесов и болот внутри и вокруг «водского мира» [36].

В 1960–1970-е гг. выходит серия статей В. Ниссиля, в которых он более подробно освещает структурно-семантические особенности топонимов Ингерманландии. Так, в одной из работ он проанализировал некоторые топонимы северной, западной и восточной частей края, имеющие германское происхождение, связанное с присутствием варягов в этих краях и, соответственно, скандинавского языкового следа в топонимии. К известным летописным названиям, таким как *Варяжское море* (т.е. Ладожское озеро), упоминаемое в 859 г., и *Варяжская улица*, зафиксированная в 1500 г. в связи со Старой Ладогой, В. Ниссиля добавляет еще ряд других. Например, в ареале северной Ингерманландии (по всей видимости, нынешний Токсовский район Ленинградской области⁹), который носил когда-то название *Tamma-Karjala* (рус. «кобылицкая карела»), группировались такие деревни, как *Кобылицы*, в *Варягове*, *Варягово на Кобылицах*, *Кобылий Хребет Межуево* (фин. *Tammaharju*, в Келтушском погосте); *Варягова на Неве*, в *Варягове на Неве* (в Городенском погосте), которые находились в северной Ингерманландии. Финское слово *tamma*, по мнению В. Ниссиля, следует возводить к германскому слову *tam* ‘домашний’, что говорит о том, что к XIV в. карела уже практиковала разведение лошадей, что отмечалось в ойконимии, и понятие «кобылицкая карела», следовательно, связано с варягами¹⁰. Из всех этих названий в этом ареале осталось только одно – *Vaarakkala* (рус. Варколово), что, как считает В. Ниссиля, является закономерным заимствованием из русского языка [38. С. 213–214].

Еще одним любопытным свидетельством о присутствии некогда скандинавского следа в топонимии Ингерманландии, по крайней мере, ее самой северной части, является, по мнению В. Ниссиля, непосредственная связь одного из скандинавских имен, упомянутых в древнерусских летописных хрониках¹¹ – имени *Дур*, т.е. *Dir* (сканд. *Dyri, Diuri, Tiuri, Turi*) – с ойконимами Карельского перешейка, в частности в бассейне р. Вуоксы. В. Ниссиля приводит следующие примеры: деревня *Tiuri*, название порога *Tiurinkoski* на Вуоксе, рядом с которым была построена в доисторические времена крепость, называемая *Tiurinlinna*¹², основателем которой, возможно, был варяжский вождь по имени *Diuri*. Это название появляется впервые в 1500 г. в писцовой книге Водской пятины: деревня *Тивра на реце на Тивре на Немецком рубеже*; *Тивры пустошь Торголакуша на Немецком рубеже*. Позже встречаются *Tiurinkoski*, *Tiurikkäkily* 1589, *Tiuraby* 1590. Более вероятно, что это же скандинавское имя встречается в названии большого острова Тиури (*Tiurinsaari*), который находится напротив Койвисто к востоку от Финского залива (современный г. Приморск); это имя засвидетельствовано в древних документах: *Biscopszöö Tiurlax by* 1584, *Biscopszöö Tiurlas* 1585, *Tiurlax* 1586¹³ [38. С. 221].

В этом ряду стоит имя *Альвад* (сканд. *Alvad* < *Haleigh/Halyard*), упомянутое в Лаврентьевской летописи, которое свидетельствует о том, что вдоль древнего морского пути варягов располагались объекты, названия которых были деантропонимными: название полуострова *Alvattiniemi*, который далеко вдается в Финский залив, а также название деревни *Alvatti/Alvatikyhi/Alvattila* (Koivisto), *Aluatti by Biscopszöö* 1586; *Aluatti* 1587; *Biscopszöö Aluattila* 1588, 1589, 1590; *Aluattilaby* 1593; *Aluattila* 1608, 1610 [38. С. 222].

Значимой вехой в развитии топонимических исследований стала публикация в 1970 г. фундаментального компендиума «*Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister des finnischen Sprachgebietes in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola*», представляющего собой систематизированный корпус прибалтийско-финской топонимии. Данный труд, подготовленный коллективом исследователей (Nissilä, Sarmela, Sinisalo), содержит исчерпывающую документацию топонимического ландшафта Ингерманландии начала XX столетия, включая реестр топонимов, сохранивших свою актуальность в современной номенклатуре региона. Работа представляет особую ценность как источник *verificatum* для компаративных диахронических исследований топонимической системы исследуемой территории. По сути, этот труд стал первым топонимическим регистром, который в системном виде отразил топонимический ландшафт Ингерманландии, актуальный в середине XX в. [39].

В дальнейшем с опорой на этот регистр в 1992 г. Р. Рандефельтом была составлена мультязычная «Карта автодорог Ингерманландии» (*Inkeri. Tiekartta*) с отмеченными на ней исчезнувшими во время войны и позже населенными пунктами и с указанием, помимо финского и русского языков, водских, ижорских, эстонских и даже немецких топонимических вариантов

[40]. Позже на основе этого регистра Н.О. Кирсановым был проведен статистический анализ формантной структуры топонимов Ингерманландии, что позволило исследователю прийти к выводу, что самыми частотными формантами являются *-tsa* | *-tsä*, *-la* | *-lä* и *-si*, и этот порядок не зависит от этнографического состава населения, а самым редким – формант *-sto*; с ним названий деревень в Ингерманландии всего три: *Humalisto* (приход Мартышкино), *Nurmisto* (приход Копорье), *Someristo* (приход Славянка) [41].

Эволюция отечественных исследований в области ингерманландской ономастики характеризовалась пролонгированным периодом методологической дискретности и отсутствием системного подхода, что сохранялось даже после публикации фундаментальных трудов П. Аристе и В. Ниссиля. Существенной вехой в развитии российской топонимической школы стала публикация в 1969 г. исследования З.М. Дубровиной «Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области», ознаменовавшая начало систематического изучения топонимического субстрата данного сегмента Русского Севера в отечественной науке. Тем не менее методологический аппарат и теоретические положения данной работы ограничивались преимущественно обобщенными наблюдениями без детальной стратификации топонимического материала [42].

Значительный вклад в изучение топонимической стратиграфии Ленинградской области внес А.И. Попов, осуществивший комплексное диахроническое исследование региональной топонимии с особым акцентом на анализ номинативных единиц финно-угорского происхождения. А.И. Попов тем не менее коснулся этимологии только отдельно взятых названий и вскользь затронул вопрос о формантной структуре топонимов, посвятив большую часть анализа форманту *-la*, при этом практически обойдя стороной другие не менее важные форманты, продуктивные при оформлении названий (*-mäki*, *-kylä*, *-saari* и не только) [43].

Систематический интерес к топонимическому наследию Ленинградской области со стороны российских исследователей открылся только в конце 1970-х гг. с началом топонимических экспедиций, инициированных кафедрой математической лингвистики филологического факультета ЛГУ им. Жданова и их руководителем проф. А.С. Гердом. Основной упор делался на сбор микротопонимии. Студенческие отряды уже до этого собирали полевой материал в Карелии (Медвежьегорский и Пудожский районы) и Вологодской области, а в 1979 г. начались постоянные экспедиции в Ленинградскую область. В период до 1989 г. осуществлялись систематические полевые исследования топонимического ландшафта ряда административно-территориальных единиц (Подпорожский, Волховский, Тихвинский, Лодейнопольский районы). Результатом этих экспедиционных изысканий стала публикация фундаментального лексикографического труда «Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)», подготовленного коллективом исследователей петербургской лингвистической школы А.С. Гердом и И.В. Азаровой в соавторстве со специалистом в области карело-вепсской топонимии

И.И. Муллонен. Данный труд, основанный на обширном корпусе гидронимического материала восточного сегмента Ленинградской области и южной части Карелии, представляет собой первый опыт комплексной систематизации гидронимии указанного ареала [44].

С 1991 г. внимание привлек Кингисеппский район, а именно его северная часть – Сойкинский и Кургальский полуострова. Здесь в период с 1991 по 1993 г. были обследованы такие поселения Западной Ингерманландии, как Югантово, Вистино, Старое Гарколово, Стремление, Урмизно, Нежново, Конново, Тисколово, Гакково, Курголово и многие другие прилегающие к ним деревни и села. Впоследствии экспедиции в Западную Ингерманландию приняли постоянный характер. В 2000-х гг. подключилась центральная часть Ингерманландии – Волосовский район. В 2003 и 2004 гг. автором данной статьи проводился сбор микротопонимии в Клопицком, Губаницком сельских поселениях Волосовского района и Котельском сельском поселении Кингисеппского района. К 2015 г. кафедральная картотека насчитывала свыше 30 тыс. единиц хранения, собранных за 35 лет экспедиционной работы сотрудниками и студентами кафедры [45].

Междисциплинарные исследования ономастикона Ингерманландии, цифровые методы и ГИС-технологии

По результатам топонимических экспедиций авторским коллективом кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета были подготовлены статьи, посвященные не только систематизации топонимов Ингерманландии, но и созданию автоматизированной топонимической базы данных [46, 47]. Вместе с этим шла работа по созданию научно-исследовательского веб-ресурса по топонимии Ингерманландии [48, 49] и обработка топонимической картотеки с целью формирования корпуса топонимов в электронном виде с функциями навигации и поиска. С 2012 г. ведется исследование по разработке историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии, и к сегодняшнему дню уже подготовлена первая часть обработанных названий [50–54].

Все же оба проекта – база данных и веб-ресурс – не нашли своего дальнейшего развития, не смогли выйти за рамки внутрикафедрального исполнения и со временем перестали полноценно функционировать.

Наряду с коллективными экспедициями проходили и индивидуальные. С середины 1980 гг. начался сбор материала по финским населенным пунктам Ленинградской области, в том числе по топонимии и микротопонимии, энтузиастом-исследователем А.В. Крюковым [55], который, как уже говорилось выше, обогатил своими результатами топонимическую картотеку *Nimiarkisto*. Исследователь провел фундаментальную работу с более чем 1 тыс. информантов, среди которых было немало людей 1900–1930 гг. рождения и которые проживали в разных районах Ингерманландии. На основе собранных полевых данных А.В. Крюковым были написаны статьи по микрохоронимии Западной Ингерманландии [56], водской и ижорской антропонимике

[57], соматической лексике в топонимии Ингерманландии [58], а его недавние статьи посвящены вопросам лингвистических трансформаций в ойконимии северной Ингерманландии (Всеволожский район) в период с 1900 по 2022 гг. [59], а также проблеме топонимической трансимизации на материале Всеволожского, Гатчинского, Кировского и Тосненского районов Ленинградской области [60].

Помимо А.В. Крюкова сбором полевого материала занимался еще один петербургский исследователь и на тот момент докторант отделения финского языка, финно-угорских и скандинавских языков и литератур Университета Хельсинки – Н.О. Кирсанов, который начал ездить к ингерманландским финнам, а затем к води и ижоре, в 1998–2001 гг., в результате чего им было собрано около 2000 основных вариантов названий населенных пунктов в приходах Копорье, Котлы, Малые Колпаны, Кобринно, Губаницы, Молосковницы, Нарва, Новоселки, Жеребятки, Скворицы, Сойкино, Шпаньково, Мартышкино и Славянка. На основе этих полевых материалов, а также архивных источников им была защищена диссертация на тему «Länsi-Inkerin asutuspaikkojen nimet». Н.О. Кирсанов провел фонетический и морфологический анализ названий и через эти структурные морфонологические свойства топонимов и процессы звукообразования показал особенности этноязыкового контактирования прибалтийских финнов и русских в этих приходах в определенные промежутки времени.

В сущности, Н.О. Кирсанов первым из отечественных ономастов поднял вопрос о морфонологическом параллелизме в структуре топонимов Ингерманландии. Им были рассмотрены некоторые фонетические процессы в прибалтийско-финских, русских и шведских формантах, например: пбф. *-tsa* | *-tsä* → рус. *-цы* | *-ца* | *-зи*; рус. *-цы* → пбф. *-si* | *-nen*; пбф. *-si* → рус. *-зи* | *-ши* | *-щина*; пбф. *-tsa* | *-tsä* → шв. *-tz(a)* | *-ts(a)*; шв. *-tz* → пфн. *-si* [60]. В контексте изучения топонимической системы Ингерманландии особое внимание исследователя было сфокусировано на просодических характеристиках русскоязычного топонимического пласта. Им сформулирована оригинальная концепция реверсивного заимствования топонимов, получившая название «бумеранговая теория». Согласно данной гипотезе, топонимические единицы, первоначально интегрированные из восточнославянских диалектов в прибалтийско-финскую языковую среду, впоследствии подверглись процессу обратного заимствования в восточнославянские диалекты, что обусловило формирование их специфических просодических особенностей [41, 61].

Эта идея была позже развита Н.О. Кирсановым в очередной статье, в которой он предположил, что контакты славянского и прибалтийско-финского населения на территории (Западной) Ингерманландии могли происходить уже начиная с V в. н.э. В качестве примеров ученым приведены параллели, доказывающие бумеранговые заимствования: например, появление ойконима *Колтуши* в цепочке (раннепротослав. **geltu* 'желтый' > фин. ап. *kelta* 'желтый' > фин. *Keltto* > рус. *Колтуши*), по мнению Н.О. Кирсанова, есть

следствие языкового контакта до первой палатализации (V–VI вв.). Исходная добумеранговая славянская форма этого названия, как считает лингвист, должна выглядеть как ***Желтое*, а бумеранг произошел до перехода ударного *e* перед несмягченным согласным в *o* (XIV–XVI вв.). Исходной формой ойконима *Корново/Керново* в цепочке (раннепротослав. **kir(s)nu* 'черный' > фин. ап. *kirnu* (*kärnä*) 'маслобойка' > фин. *Kirnu* > рус. *Корново/Керново*) должна быть форма ***Черное*, которая вошла в прибалтийско-финские языки вследствие контакта до первой палатализации (V–VI вв.), а бумеранг произошел еще до падения редуцированных (X–XII вв.). Не менее интересны и другие приводимые исследователем примеры: новг. слав. **müsikā* > ап. **muusika* 'мышка' > фин. *Muiskola* > рус. *Мышкино*; новг. слав. **kūpēti* > ап. **kuipēti* 'кипеть' > фин. *Kuippina* > рус. *Кипень* и т.д. [62].

Всегда актуальными для ингерманландской ономастики остаются труды финского ученого С. Кепсу. Его первый капитальный труд по допетровскому топонимическому ландшафту Санкт-Петербурга «Pietari ennen Pietaria» (1995), переведенный в 2000 г. на русский язык («Петербург до Петербурга»), ознаменовал собой очередной этап в исследовании топонимии Ингерманландии с опорой на картографические материалы. Его фундаментальное лингвокартографическое исследование базируется на комплексном анализе широкого корпуса исторических источников, включающего шведские картографические материалы XVII в., русские и шведские кадастровые документы, а также судебные процессуальные акты. Исследователем осуществлена масштабная реконструкция топонимического ландшафта территории современного Санкт-Петербурга в хронологическом диапазоне с 1500 г. до завершения периода шведского административного управления. На основе систематизации топонимического материала автором произведена периодизация колониционных процессов и выявлены демографические трансформации, обусловленные военно-политическими факторами. Значительным методологическим достижением работы является создание структурированных топонимических рядов, интегрирующих все значимые документально зафиксированные формы номинаций, включая картографические варианты, что позволило проследить диахронические модификации исторических форм топонимов [63].

Существенный вклад в компаративное изучение топонимической системы Ингерманландии внесли исследования Д.С. Рябова, основанные на диахроническом сопоставлении картографических источников XVII столетия шведского происхождения с современными картографическими материалами. На основе детального сравнительно-лингвистического анализа исследователем была верифицирована гипотеза о минимальном влиянии германского субстрата на прибалтийско-финскую топонимическую систему региона, несмотря на 85-летний период шведского административного доминирования. Особое внимание в работах уделено процессам нормализации топонимического материала в условиях финско-русского языкового вза-

имодействия с акцентом на анализ фонетико-морфологических и просодических параметров адаптации топонимов в различных языковых средах [64].

Совсем недавний труд С. Кепсу «Inkerin pogostat» по исторической ойконимии северной, восточной и северо-западной Ингерманландии – летописной Ижорской земли – явился продолжением предыдущих работ и подвел итоги более чем сорокалетней работы ученого. С опорой на богатый архивный материал им было проанализировано около 3 300 названий, извлеченных из документов до 1700 г. Это названия существующих и исчезнувших поселений, входивших в Введенский Дудоровский, Никольский Ижорский, Никольский Ярво-сольский, Егорьевский Лопский, Ильинский Келтушский, Спасский Городенский, Ивановский Куйвошский и Воздвиженский Корбосельский погосты Ореховского уезда Водской пятины. Помимо названий деревень, были исследованы названия погостов и волостей. Основной фокус работы – старейшая местная географическая номенклатура прибалтийско-финского и славянского происхождения, которая сформировалась до массового переселения на территорию Ингерманландии финнов и карел, т.е. до 1656 г. Целью исследования было выяснить местонахождение и происхождение ингерманландских поселений, а также изучить пути миграции местного населения с опорой на топонимический каркас, однако, как признает сам С. Кепсу, для многих ойконимов как локализацию, так и происхождение, установить не удалось. Общий объем труда – 938 страниц, из которых 800 страниц текста занимает топонимический словарь (Nimiainesto), в котором для каждого названия указаны его архивные варианты (в орфографии старых документов), устные варианты (записанные со слов местного населения), а также толкование и местоположение. Кроме того, С. Кепсу предлагает реконструированные формы для многих названий, т.е. те формы, которые гипотетически могли иметь свой тот или иной первоначальный вид, но в документах отсутствуют: например, *Ahtova* | *Achtoua ödhe* < **Ahti(a)la* [65].

В первом десятилетии XXI в. значимый вклад в сравнительно-историческое исследование топонимической системы Ингерманландии внесла шведская школа славистики, среди представителей которой особого внимания заслуживает П. Амбросиани. Диапазон научных интересов исследователя охватывает широкий спектр топонимических категорий региона: от ойконимического и гидронимического пластов до хоронимической номенклатуры, причем особую научную ценность представляет исследование топонимии погостов Водской пятины, ранее не становившихся объектом специального научного анализа [66, 67].

Методологический аппарат исследований П. Амбросиани базируется на сравнительно-историческом подходе с привлечением обширного корпуса документальных источников, среди которых доминируют историко-картографические материалы. Принципиально новым в его исследовательской парадигме является разработка проблематики параллельного топонимобразования в прибалтийско-финской и русской ойконимических системах Ингерманландии. Исследователем

впервые в историографии предложена типология корреляционных моделей между компонентами разноязычных топонимических пар, включающая как моносемантические соответствия, так и сложные полисемантические корреляции [68].

Новый этап в историко-этимологическом изучении топонимов Западной Ингерманландии начался с работ эстонского исследователя Э. Эрнитса [69–72]. Он продолжил исследования, начатые еще П. Аристе, и представил системное описание топонимов современного Кингисепского района (по историческим очагам проживания воды) с подробным объяснением этимологии каждого названия. Э. Эрнитс привлекает материал не только по ойконимии (названия поселений), но и по хоронимии, урбанонимии, ойкодомонимии (названия мыз, поместий, домов), экклезионимии (названия церквей, часовен), некронимии (названия кладбищ), дромонимии (названия дорог, улиц) и не только. В сферу интересов исследователя входит также микропонимия. В статьях Э. Эрнитс рассмотрел и классифицировал более сотни топонимов Кингисепского района водского и русского происхождения. Помимо этимологии, для каждого названия дается список его исторических вариантов начиная с наиболее раннего и также диалектные варианты, записанные в XX в.

Не угасает интерес ономастов и к изучению антропонимов. В одной из своих работ эстонская исследовательница Э. Саар использует материал по водским и ижорским антропонимам за последние 100 лет, в частности списки неофициальных имен жителей деревень Котлы, Маттия и Ундово, записанных В. Алава в ходе экспедиции в 1901 г. (*Alava XII, Votica. Suomen Kirjallisuuden Seuran Arkisto*), а также материал, собранный Э. Саар в ходе нескольких полевых работ, проведенных в 1997–1999 гг. в деревнях Краколье, Лужицы и Пески, и в период с 1998 по 2015 г. в деревнях Вистино, Валяницы, Логи, Горки, Глинки, Сменково, Дубки, Югантово и Краколье. Она проанализировала большой корпус различных гипокористиков, делая упор на фонетический и морфонологический аспекты адаптации водских и ижорских личных имен в русском языке, рассматривая переходы $a > o$, $e > a$, $e > o$ ($> u$), $e > o > \ddot{o} > \ddot{y}$ и др., преобразования в консонантных кластерах и специфику адаптации антропонимных суффиксов $-oi$, $-o$, $-u$, $-(i)kko$, $-kko$, $-kki$ на почве русского языка [73].

Похожие аспекты рассмотрели ранее М. Йоалайд [74] и Ф.И. Рожанский [75]. М. Йоалайд проанализировала тенденции именования в прибалтийско-финском ономастиконе, приводя примеры из водского и ижорского языков, а Ф.И. Рожанский сконцентрировался на водском именовании и привел 75 форм имен (36 женских и 39 мужских) из водского антропонимикона – наиболее распространенных и частотных, записанных им в 2003–2014 гг. от пяти носителей песоцко-луижского диалекта водского языка, и в результате сравнения обратил внимание, что доля имен на $-o$ и $-u$ существенно превалирует над антропонимными формами с финалью $-i$ и $-e$, причем женских имен на $-u$ больше, чем мужских на $-o$, что, как считает Рожанский, может быть обусловлено пока неизвестными нам гендерными принципами имянаречения в водском языке [75. С. 307–308, 310].

С помощью цифровых методов и ГИС-подходов финские исследователи Я. Раунамаа и А. Каннер попытались проанализировать древние личные имена прибалтийско-финского населения Водской пятины. В своей работе, носящей больше верификационный характер, они показали, что отличия в тенденциях именования можно измерить с помощью двух процедур кластеризации: одна основана на коэффициенте Жаккара, а другая – на метрике евклидова расстояния с использованием метода минимума дисперсии Уорда. В целом авторами было обработано 35 726 имен, а количество индивидуальных вариантов имен составило 2 748. Почти все наиболее распространенные имена имеют христианское происхождение. Имена, содержащие прибалтийско-финские черты, составляют меньшинство, примерно 2% от общего количества. Меры расстояния и результаты кластеризации оказались полезными для изучения принципов древнего именования. В более широком масштабе результаты обеих метрик в основном соответствуют предыдущим исследованиям: к концу XV в. южный регион уже был славянизирован, тогда как в северных частях все еще проживало значительное количество финского населения [76].

Вообще следует отметить, что в связи с активным развитием компьютерных технологий и их сопряжением с гуманитарными областями исследователи все чаще обращаются к вопросу автоматизации географической информации, в том числе на базе ГИС-технологий. В современной исследовательской практике топонимических изысканий наблюдается активное внедрение цифрового инструментария, представленного широким спектром электронных ресурсов. В их числе особую методологическую значимость приобретают специализированные информационные порталы, лексикографические онлайн-системы топонимического профиля, цифровые картографические платформы, библиометрические и наукометрические базы данных, геоинформационные системы и программные средства лингвистического перевода [77]. Данный инструментальный комплекс существенно расширяет возможности научного анализа топонимического материала и способствует интенсификации исследовательских процессов в области ономастики.

При этом разработка региональных автоматизированных топонимических ресурсов находится на начальной стадии своего развития. Лидируют здесь карельские ученые из КарНЦ, которые создали локальную ИАС «Топонимия Карелии» 2003–2010 гг., ГИС «Электронная картотека топонимов Восточного Обонежья» и не только. Имеются и другие региональные разработки: по Костромской области [78], Республике Башкортостан [79], Тверской области [80, 81]. Все эти ресурсы пока не являются «открытыми» и доступными для любых пользователей, как, например, знаменитый тематический web-сайт по топонимии Европейского Севера России TORIS [82].

Нельзя обойти стороной и электронные топонимические словари, разработанные нашими европейскими коллегами. В них содержится богатый ономастический, в том числе топонимический, материал по Западной Ингерманландии. Это, например, такой ресурс, как

«Eesti kohanimeraamat» [83], созданный в 2016 г. в Институте эстонского языка.

Выводы

Проведенное исследование представляет собой первый в историографии комплексный анализ эволюции научных подходов к изучению топонимии Ингерманландии от XIX в. до современности. Работа демонстрирует трансформацию методологического инструментария: от первичных картографических интерпретаций и простых этимологических разборов до современных междисциплинарных исследований с применением геоинформационных систем и цифровых технологий. Особую ценность представляет выявленная периодизация развития топонимических исследований региона, отражающая постепенное усложнение и обогащение методологического аппарата: от работ Й.Ф. Бергенгейма и А.И. Гиппинга, заложивших основы картографического и лингвистического анализа, через формирование региональных топонимических школ и развитие полевых исследований, до современных комплексных подходов, интегрирующих достижения различных научных дисциплин.

Принципиально важным достижением является систематизация вклада различных национальных научных традиций – российской, финской, эстонской и шведской – в развитие топонимических исследований региона. Это позволило не только проследить эволюцию методологических подходов, но и выявить специфику формирования различных исследовательских парадигм. Работа наглядно демонстрирует, как постепенное накопление эмпирического материала и теоретических наработок привело к формированию целостного понимания топонимической системы Ингерманландии как сложного многослойного феномена, отражающего многовековую историю межэтнических и межъязыковых контактов.

Исследование убедительно показывает качественный скачок в развитии методологии: от изолированного рассмотрения отдельных топонимов к системному анализу целых топонимических комплексов, от простой фиксации названий к глубокому изучению механизмов их формирования и трансформации. Особо значимым представляется выявление роли цифровых технологий и ГИС-методов в современных топонимических исследованиях, открывающих принципиально новые возможности для анализа и визуализации пространственно-временных характеристик топонимических систем.

Проведенная работа имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, создавая надежную методологическую основу для дальнейших исследований в области региональной топонимики. Систематизированный опыт изучения топонимии Ингерманландии может служить моделью для аналогичных исследований других историко-культурных регионов, характеризующихся сложной этноязыковой историей. Более того, выявленные закономерности и методологические принципы могут быть использованы при разработке комплексных подходов к сохранению

и изучению историко-культурного наследия регионов со сложной этнолингвистической структурой.

Таким образом, данное исследование не только заполняет существенный пробел в историографии топонимических исследований, но и открывает новые перспективы для дальнейшего развития региональной ономастики, создавая прочный фундамент для будущих междисциплинарных исследований в этой области.

Заключение

Перспективы дальнейших исследований топонимического ландшафта Ингерманландии видятся в нескольких ключевых направлениях.

Первоочередной задачей представляется создание единой цифровой платформы для интеграции разрозненных топонимических данных, накопленных различными научными школами. Такая платформа могла бы объединить картографические материалы, полевые записи, архивные документы и современные исследования, обеспечивая исследователям доступ к комплексной базе данных с возможностями многоаспектного поиска и анализа.

Перспективным направлением является разработка методологии автоматизированного распознавания этимологических связей между топонимами на основе машинного обучения. Это позволило бы не только ускорить процесс обработки больших массивов данных, но и выявить неочевидные закономерности в формировании топонимических систем контактных зон.

Важным направлением видится разработка методов реконструкции исторической фонетики топонимов на основе сопоставления их современных форм с архивными данными. Это позволило бы глубже понять механизмы фонетической адаптации географических названий в условиях межъязыковых контактов и проследить эволюцию произносительных норм.

Особого внимания заслуживает изучение психоллингвистических аспектов восприятия топонимов носителями разных языков, что могло бы пролить свет на когнитивные механизмы формирования топонимических систем в полиэтнических регионах.

Необходима также разработка методологии прогнозирования развития топонимических систем с учетом современных социоллингвистических процессов. Это позволило бы не только предсказывать возможные изменения в топонимическом ландшафте, но и выработать рекомендации по сохранению историко-культурного наследия региона.

Результаты подобных исследований могли бы найти применение не только в теоретической ономастике, но и в практической деятельности по территориальному планированию, сохранению культурного наследия и развитию туристической инфраструктуры региона. Междисциплинарный характер топонимических исследований открывает широкие возможности для интеграции методов и подходов различных научных дисциплин – от лингвистики и истории до геоинформатики и когнитивных наук.

Примечания

¹ Например, на карте Й.Ф. Бергенгейма можно увидеть крепость Ландскрона (*Landskrona*) и город Иоханнисдалль (*Johannisdahl*). Ландскрона была разрушена в 1301 г. и больше не восстанавливалась. О планах строительства города Иоханнисдалля и почти о полной готовности возводимой в нем церкви упоминает в 1634 г. Адам Олеарий. Этот город мог быть действительно зафиксирован только на шведских картах первой половины XVII в., поскольку ни на одной из достоверных карт второй половины XVII в. город или вышеупомянутая церковь не показаны. По-видимому, строения были разрушены во время военных действий 1656 г. [3].

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 3. КК 2.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 4. КК 7.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18340. Ч. 9. КК 3.

⁵ Среди них очень много явно натянутых, учитывая, что Ю.Ю. Трусман везде пытался увидеть прибалтийско-финский или балтийский след в происхождении названия, в том числе и на исконно славянских землях Новгорода.

⁶ Позднее более основательно этимологию гидронима *Нарова* разобрал В. Ниссия, затронув, в частности, и предложенную Р. Саксенон гипотезу [38. С. 219].

⁷ Носители этих фамилий, вероятно, были лютеранами карельского или ижорского происхождения. Среди них есть такие фамилии, о которых трудно сказать, к какой языковой группе они принадлежат.

⁸ Еще В. Поркка писал, что все эти онимы образует целое гнездо *Lavvas*-имен [26].

⁹ С.И. Кочкуркина полагает, что «кобылицкая корела», возможно, обитала либо на юге Карельского перешейка, либо в юго-восточной части Финляндии, на территории Саво [37. С. 75].

¹⁰ В. Войонмаа и К. Вилкуна полагали, что «кобылицкая корела» обязана своим названием «роду Тамма» («кобыла», «кобылица»). К. Вилкуна происхождение названия «кобылицкая корела» ставил в прямую зависимость от занятий коневодством в бассейне р. Вуоксы [37. С. 75].

¹¹ В древних новгородских хрониках встречается множество личных топонимов варяжского происхождения, со скандинавскими именами, например: *Akun/Jakun* (сканд. *Häkun*), *Alvard/Alvad* (сканд. *Hallvard*), *Amund* (сканд. *Amundr*), *Arfast* (сканд. *Arnfastr*), *Askold/Oskold* (сканд. *Hösköldr*), *Amund* (сканд. *Asmundr*), *Bryny* (сканд. *Brüni*), *Budy* (сканд. *Bóndi*, *Bondi*, *Bunda*), *Dir* (сканд. *Dýri*, *Diuri*, *Tiuri*, *Turi*), *Gunaf* (сканд. *Gunnarr*), *Ingeld* (сканд. *Ingjaldr*), *Ivor* (сканд. *Ivarr*), *Kol* (сканд. *Kolir*), *Oleg* (сканд. *Helgi*), *Olga* (сканд. *Helga*), *Rogvolod* (сканд. *Ragnvaldr*), *Tuku* (сканд. *Túki*, *Túki*), *Turd* (сканд. *Thódr*), *Veremud* (сканд. *Vermundr*) и т.д., начиная с IX в.

¹² В древнерусских хрониках – Тиверское городище, остатки древнерусского укрепления поселения карелов и новгородцев. Расположено примерно в 4 км южнее от поселка Васильево (Приозерский район Ленинградской области).

¹³ Та же деревня была также обозначена следующими именами, которые, вероятно, восходят к шведскому имени Thore, но были искажены писцами: *Torisær* 1572, 1574, 1575, *Torsari by* 1576, 1577, *Tärisari* 1578, *Torisari by* 1585, 1587, *Tärisari by* 1588, *Tärisar* 1589, *Tärisari by* 1590, 1591, *Tärisari by* 1608 – имена, засвидетельствованные на протяжении всего XVII в. Фамилии типа *Tiuro*, *Tiuri*, *Tiurinen*, *Tiuranen* все еще используются в Финляндии [38. С. 221].

Список источников

1. Elomaa J. Inkerin bibliografia. Helsinki, 1981.
2. Карта бывших губерний Ивана-города, Яма, Капорья, Нотэборга, составленная по масштабу 1:210 000 1827-го года, показывающая разделение и состояние одного края в 1676 г.: из материалов, найденных в Шведских Архивах, под присмотром генерал-майора Шуберта, Генерального Штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-ым.

3. Горбатенко С.Б. Карты Ингерманландии и Карелии XVII в. в Швеции и России // Краеведческие записки: исследования и материалы. 1997. № 5. С. 9–37.
4. Hipping A.J. Neva och Nyenskans. Helsingfors, 1836.
5. Кёппен П.И. Водь и Вотская пяттина // Журнал министерства народного просвещения. LXX. Отделение II. № 5 и 6. СПб., 1851. С. 41–67, 100–146.
6. Кёппен П.И. Селения, обитаемые ижорами Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и II отделениям, 6. СПб., 1849. С. 112–222.
7. Kilpinen W. Væhæn suomalaisista suku-nimistä // Suomi. 1857. № 1. С. 15–17.
8. Трусман Ю.Ю. Чудско-литовские элементы в Новгородских пяттинах. Часть первая. Пяттины Водьская, Деревская, Шелонская. Ревель: Типография Г. Матизена, 1898.
9. Saxén R. Några språkliga fornninnen // Finskt Museum. № 6. Helsingfors, 1899. С. 60–62.
10. Mikkola J.J. Muutamista paikannimistä // Virittäjä. 1901. № 5. С. 100–101.
11. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Типография Н.Н. Скорородова, 1903.
12. Ronimus J.V. Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus: Yliopistollinen väitöskirja. Joensuu, 1906.
13. Ojansuu H. Muutamia paikannimien selityksiä // Virittäjä. 1907. № 11. С. 115–116.
14. Toikka P. Lappo vaiko Loppia? // Historiallinen aikakauskirja. 1911. № 9. С. 47–49.
15. Aavikko A. Muutamia inkeriläisiä kylän nimiä ennen ja nyt sekä tietoja niiden asukkaista // Kotiseutu. 1913. С. 137–139.
16. Aavikko A. Kupanitsan Luumitsan kylän entisyydestä Inkerinmaalla // Kotiseutu. 1911. С. 185–187.
17. Louhelainen O.A. Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin vv. 1721–1912. Viipuri, 1913.
18. Mikkola J.J. Muutamia tietoja vatjalais- ja inkerikkovalloista 1600-luvun lopulta // Virittäjä. 1932. № 36. С. 26–31.
19. Mustonen J. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki, 1931.
20. Mustonen J. Inkerin sukunimistöä // Inkerin liiton. 1938. № 7. С. 44–45.
21. Nissilä V. Vuoksen paikannimistö // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 214. Helsinki, 1939.
22. Hietakari E. Suku- ja ristimänimet inkeriläisten suomalaisuuden todistajina // Heimokansa. 1944. С. 107–111.
23. Grönroos S. Inkerin Kattilan seurakunnan Pihlaalan kylän nimestä // Postitorvi. Suomen Postiyhdistyksen äänenkannattaja. Porvoo, 1942. С. 65–68.
24. Aarnio N. Seiskarin nimen synty // Hakkapeliitti. 1943. С. 908.
25. Гадзяцкий С.С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. 1940. № 6. С. 100–148.
26. Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors : J.C. Frenckell & Soh, 1885.
27. Tunkelo E.A. Eräistä inkeriläisperäisistä suomen paikannimistä // Kalevalaseuran vuosikirja. 1951. № 31. С. 138–144.
28. Nissilä V. Slaavilaisia aineksia nimistönsämme // Virittäjä. 1956. № 60. С. 49–70.
29. Talve I. Vatjalaista kansankulttuuria. (= Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 179). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1981.
30. Vadja keele sõnaraamat. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. С. Грюнберг. Tallinn, 2013.
31. Posti L. Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Painokuntoon toimittanut Seppo Suhonen Lauri Postin avustamana. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1980.
32. Kettunen L. Vatjan kielen Mahun murteensanasto / toim. J. Elomaa, E. Koponen, L. Silfverberg. (= Castrenianumin toimitteita, 27). Helsinki, 1986.
33. Tsvetkov D. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto / toim. J. Laakso. Helsinki, 1995.
34. Nirvi R.E. Inkeröismurteiden sanakirja. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18.) Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
35. Ariste P. Vadja kohanimedes // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo / toim. H. Moora, L. Jaanits. Tallinn : Eesti Raamat, 1965. С. 91–106.
36. Ariste P. Über wotische Ortsnamen // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsingiae habitus, 23–28.08.1965. T. 2. Helsinki, 1967. С. 24–30.
37. Кочуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982.
38. Nissilä V. Éléments varégués dans la toponymie de l'Est du Golf de Finlande // Études finno-ougriennes. 1971. Vol. VIII. P. 213–222.
39. Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. Ethnologisches Ortschaffts- und Dorfregister der finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola (=Studia Fennica 15). Helsinki, 1970.
40. Inkeri Tiekartta [1:200 000] / Toim. R. Randefelt. Ingriainfo oy 1992.
41. Кирсанов Н.О. Названия ингерманландских деревень, содержащих сибирянты и аффрикаты // Bulletin des Phonetischen Fonds der Russischen Sprache. 2004. № 9. С. 65–77.
42. Дубровина З.М. Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // Ученые записки Ленинградского университета. 1969. № 71. С. 76–87.
43. Попов А.И. Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
44. Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
45. Николаев И.С., Герд А.С. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 112–119.
46. Николаев И.С., Азарова А.В., Дмитриев А.В., Герд А.С., Федоров С.А. Типовые запросы в базе данных по топонимии Ингерманландии и их практическая реализация // Материалы XXXVI международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 74–84.
47. Герд А.С., Азарова И.В., Федоров С.А., Николаев И.С., Дмитриев А.В. Автоматизированная база данных по топонимии Ингерманландии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. / сост. И.И. Муллонен. 2007. С. 143–154.
48. Герд А.С., Дмитриев А.В., Николаев И.С., Столяров Д.А. Научно-образовательный веб-ресурс «Топонимия Ингерманландии (Ленинградская область)»: перспективы исследования // Структурная и прикладная лингвистика. 2012. № 9. С. 148–158.
49. Nikolaev I., Stolyarov D. Linguistic information system of multicultural Russian-Fennic region of Ingermanland // International multidisciplinary scientific conferences of social sciences and arts. Sofia, 2014. С. 131–138.
50. Дмитриев А.В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии // Linguistica Uralica. 2020. № LVI. С. 241–257.
51. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы А–Е) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 143–167.
52. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы З–М) // Севернорусские говоры. 2022. № 21. С. 250–279.
53. Дмитриев А.В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии (Часть II) // Linguistica Uralica. 2022. № 58(3). С. 199–235.
54. Дмитриев А.В. Славянская ойконимия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы Н–Я) // Севернорусские говоры. 2023. № 22. С. 192–221.
55. Krijukov A. Inkerinmaa ja inkeriläiset // Punalippu. 1987. № 8. С. 123–130.

56. Крюков А.В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика : дополн. материалы Междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Секция «Общественные и гуманитарные науки». Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках» (школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»). Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 225–227.
57. Крюков А.В. О фамилиях води и ижор. Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте : материалы науч. симп. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 122–142.
58. Крюков А.В. Соматическая лексика в финской географической терминологии и топонимии Ингерманландии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. № VIII (1). С. 289–330.
59. Крюков А.В. Новые топонимы и новая топонимическая реальность (на материале топонимии Всеволожского района Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2022. № 21. С. 280–308.
60. Крюков А.В. К вопросу о перемещении топонимов (на материале ойконимов Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 168–188.
61. Кирсанов Н.О. Просодические особенности русских топонимов Ингерманландии как свидетельство этнической истории края // V межведомственная научная конференция аспирантов и студентов «Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях)». СПб., 2000. С. 28–29.
62. Кирсанов Н.О. Предшественники *ы* в русской топонимии Ингерманландии // Linguistica Uralica. 2007. № XLIII. С. 211–217.
63. Кепсу С. Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.
64. Рябов Д.С. Топонимия южной части Ингерманландии в XVII веке // Новый топонимический журнал. 2007. № 4. С. 33–46.
65. Kepsu S. Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2020.
66. Амбросиани П. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August. Lund, 2003. С. 7–20.
67. Амбросиани П. Историческая топонимика Новгородской земли: названия погостов Водской пятины // Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008). Umea: Umea University, Department of Language Studies, 2009. С. 9–18.
68. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83–92.
69. Ernits E. Vadja asustusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2019. № 65. С. 23–62.
70. Ernits E. Vadja loodus- ja viljelusnimedest // Esuka – Jeful. 2020. № 11–1. С. 163–211.
71. Ernits E. Eesti-Ingeri viljelusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2020. № 66. С. 64–90.
72. Ernits E. Vadja väliskohanimedest 1: Eesti, Soome ja Venemaa // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2023. № 69. С. 35–55.
73. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2015. № 61. С. 167–186.
74. Joalaid M. Balto-finnic personal name suffixes // Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences, August 17–22, 2008. Toronto : York University, 2009. P. 532–541.
75. Рожанский Ф.И. О форме личных имен в водском языке. От Бикина до Бамбаломы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2014. С. 302–316.
76. Raunamaa J., Kanner A. Clustering Names of Medieval Novgorod: Geographical variation of personal names attested in the census book of Vodskaja pjatina // Linguistica Uralica. 2022. № 58. С. 241–274.
77. Мартыненко И.А. Электронные ресурсы как инструменты топонимических исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 114–126.
78. Мищенко О.В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 89–104.
79. Абсаямов Ю.М., Сиразитдинов З.А. Создание базы топонимических данных Республики Башкортостан для географических информационных систем // Tiltanum. 2022. № 1 (85). С. 123–140.
80. Веб-ГИС «Исторический атлас Бежецкой пятины (Тверской половины) конца XV – XVII в.» // Лаборатория исторической геоинформатики ИВИ РАН. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/ (дата обращения: 23.11.2024).
81. Веб-ГИС «Торопецкий уезд в XVI-XVII вв.» // Лаборатория исторической геоинформатики ИВИ РАН. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/ (дата обращения: 23.11.2024).
82. Тематический веб-сайт по топонимии Европейского Севера России TORIS. URL: <http://toris.krc.karelia.ru/papers/source/spb2004/index.ru.phtml> (дата обращения: 23.11.2024).
83. Eesti kohanimeraamat. URL: <https://www.eki.ee/dict/knr/> (дата обращения: 23.11.2024).

References

1. Elomaa, J. (1981) *Inkerin bibliografia*. Helsinki: [s.n.].
2. Russian Geographical Society. (1827) *Karta byvshikh guberniy Ivana-goroda, Yama, Kapor'ya, Noteborga, sostavlennaya po masshtabu 1:210 000 1827-go goda, pokazyvayushchaya razdelenie i sostoyanie onogo kraja v 1676 g.: iz materialov, naydennykh v Shvedskikh Arkhivakh, pod prismotrom general-mayora Shuberta, General'nago Shtaba shtabs-kapitanom Bergengeymom 1-ym* [Map of the former provinces of Ivanogorod, Yam, Kaporye, Nöteborg, compiled at a scale of 1:210,000 in 1827, showing the division and state of the said region in 1676: from materials found in the Swedish Archives by Staff Captain of General Staff Bergenheim I, under the supervision of Major General Schubert]. Moscow: [s.n.].
3. Gorbatenko, S.B. (1997) *Karty Ingermanlandii i Karelii XVII v. v Shvetsii i Rossii* [Maps of Ingria and Karelia in the 17th century in Sweden and Russia]. *Kraevedcheskie zapiski: issledovaniya i materialy*. 5. pp. 9–37.
4. Hipping, A.J. (1836) *Neva och Nyenskans*. Helsingfors: [s.n.].
5. Keppen, P.I. (1851) *Vod' i Votskaya pyatina* [Vod and the Votskaya Pyatina]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. LXX. Section II. 5 & 6. pp. 41–67, 100–146.
6. Keppen, P.I. (1849) *Seleniya, obitaemye izhorami Sankt-Peterburgskoy gubernii* [Settlements inhabited by the Izhorians of the Saint Petersburg Province]. *Uchenye zapiski Imperatorskoy Akademii nauk po I i II otdeleniyam*. 6. pp. 112–222.
7. Kärpinen, W. (1857) *Væhæn suomalaisista suku-nimistä*. *Suomi*. 1. pp. 15–17.
8. Trusman, Yu.Yu. (1898) *Chudsko-litovskie elementy v Novgorodskikh pyatinakh. Chast' pervaya. Pyatiny Vod'skaya, Derevskaya, Shelonskaya* [Peipus-Lithuanian Elements in the Novgorod Pyatinas. Part One. Pyatina Vodskaya, Derevskaya, Shelonskaya]. Revel: Tipografiya G. Matizena.
9. Saxén, R. (1899) *Några språkliga fornminnen*. *Finskt Museum*. 6. pp. 60–62.
10. Mikkola, J.J. (1901) *Muutamista paikannimistä*. *Virittäjä*. 5. pp. 100–101.
11. Tupikov, N.M. (1903) *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Proper Names]. Saint Petersburg: Tipografiya N.N. Skorokhodova.
12. Ronimus, J.V. (1906) *Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus: Yliopistollinen väitöskirja*. Joensuu: [s.n.].
13. Ojansuu, H. (1907) *Muutamia paikannimien selityksiä*. *Virittäjä*. 11. pp. 115–116.

14. Toikka, P. (1911) Lappo vaiko Loppia? *Historiallinen aikakauskirja*. 9. pp. 47–49.
15. Aavikko, A. (1913) Muutamia inkeriläisiä kylän nimiä ennen ja nyt sekä tietoja niiden asukkaista. *Kotiseutu*. pp. 137–139.
16. Aavikko, A. (1911) Kupanitsan Luumitsan kylän entisyydestä Inkerinmaalla. *Kotiseutu*. pp. 185–187.
17. Louhelainen, O.A. (1913) *Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin vv. 1721–1912*. Viipuri: [s.n.].
18. Mikkola, J.J. (1932) Muutamia tietoja vatjalais- ja inkerikkokylistä 1600-luvun lopulta. *Virittäjä*. 36. pp. 26–31.
19. Mustonen, J. (1931) *Inkerin suomalaiset seurakunnat*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
20. Mustonen, J. (1938) Inkerin sukunimistöä. *Inkerin liiton*. 7. pp. 44–45.
21. Nissilä, V. (1939) Vuoksen paikannimistö. In: *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 214*. Helsinki: Helsingin Yliopiston.
22. Hietakari, E. (1944) Suku- ja ristimänimet inkeriläisten suomalaisuuden todistajina. *Heimokansa*. pp. 107–111.
23. Grönroos, S. (1942) Inkerin Kattilan seurakunnan Pihlaalan kylän nimestä. *Postitorvi. Suomen Postiyhdistyksen äänenkannattaja*. pp. 65–68.
24. Aarnio, N. (1943) Seiskarin nimen synty. *Hakkapeliitta*. P. 908.
25. Gadzyatskiy, S.S. (1940) Votskaya i Izhorskaya zemli Novgorodskogo gosudarstva [Votskaya and Izhora lands of the Novgorod state]. *Istoricheskie zapiski*. 6. pp. 100–148.
26. Porkka, V. (1885) *Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte*. Helsingfors: J.C. Frenckell & Soh.
27. Tunkelo, E.A. (1951) Eräistä inkeriläisperäisistä suomen paikannimistä. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 31. pp. 138–144.
28. Nissilä, V. (1956) Slaavilaisia aineksia nimistöämme. *Virittäjä*. 60. pp. 49–70.
29. Talve, I. (1981) *Vatjalaisia kansankulttuuria. (=Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 179)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
30. Gryunberg, S. (ed.) (2013) *Vadja keele sõnaraamat*. 2nd ed. Tallinn: [s.n.].
31. Posti, L. (1980) *Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. Painokuntoon toimittanut Seppo Suhonen Lauri Postin avustamana. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
32. Kettunen, L. (1986) *Vatjan kielen Mahun murteesanasto. (= Castronianumin toimitteita, 27)*. Helsinki: [s.n.].
33. Tsvetkov, D. (1995) *Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
34. Nirvi, R.E. (1971) *Inkerimurteiden sanakirja. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
35. Ariste, P. (1965) Vadja kohanimedes. In: Moora, H. & Jaanits, L. (eds) *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost*. Tallinn: Eesti Raamat. pp. 91–106.
36. Ariste, P. (1967) [Über wotische Ortsnamen]. *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Helsinki. 23–28 August 1965. Helsinki: Societas Fenno-Ugrica. pp. 24–30.
37. Kochkurkina, S.I. (1982) *Drevnyaya korela* [Ancient Korela]. Leningrad: Nauka.
38. Nissilä, V. (1971) Éléments varégués dans la toponymie de l'Est du Golf de Finlande. *Études finno-ougriennes*. 8. pp. 213–222.
39. Nissilä, V., Sarmela, M. & Sinisalo, A. (1970) *Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister der finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola (=Studia Fennica 15)*. Helsinki: [s.n.].
40. Randefelt, R. (ed.) (1992) *Inkeri Tiekartta [1:200 000]*. Ingriainfo oy: [s.n.].
41. Kirsanov, N.O. (2004) Nazvaniya ingermanlandskikh dereven', soderzhashchikh sibilyanty i affrikaty [Names of Ingrian villages containing sibilants and affricates]. *Bulletin des Phonetischen Fonds der Russischen Sprache*. 9. pp. 65–77.
42. Dubrovina, Z.M. (1969) Pribaltiysko-finskie elementy v toponimike Leningradskoy oblasti [Baltic-Finnic elements in the toponymy of the Leningrad region]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 71. pp. 76–87.
43. Popov, A.I. (1981) *Sledy vremen minuvshikh: Iz istorii geograficheskikh nazvaniy Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastey* [Traces of Times Past: From the history of geographical names of the Leningrad, Pskov, and Novgorod regions]. Leningrad: Nauka.
44. Mullonen, I.L., Azarova, I.V. & Gerd, A.S. (1997) *Slovar' gidronimov Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya (basseyn reki Svir')* [Dictionary of hydronyms of the southeastern Ladoga region (the Svir River basin)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
45. Nikolaev, I.S. & Gerd, A.S. (2015) Slovar' toponimii i mikrotoponimii Ingermanlandii. *Severnorusskie govory*. 14. pp. 112–119.
46. Nikolaev I.S. et al. (2007) [Typical queries in the Ingria toponymy database and their practical implementation]. *Proceedings of the 36th International Conference*. Saint Petersburg. 12–17 March 2007. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 74–84. (In Russian).
47. Gerd, A.S. et al. (2007) [Automated database of Ingria toponymy as a basis for a model of formation of the historical and cultural landscape of Ingria]. *Finno-ugorskaya toponimiya v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect]. Proceedings of the Symposium. Petrozavodsk. 25–26 April 2007. Petrozavodsk: Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS. pp. 143–154. (In Russian).
48. Gerd, A.S. et al. (2012) Nauchno-obrazovatel'nyy veb-resurs "Toponimiya Ingermanlandii (Leningradskaya oblast)": perspektivy issledovaniya [Scientific and educational web resource Toponymy of Ingria (Leningrad region): research prospects]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*. 9. pp. 148–158.
49. Nikolaev, I. & Stolyarov, D. (2014) [Linguistic information system of multicultural Russian-Fennic region of Ingermanland]. *International Multidisciplinary Scientific Conferences of Social Sciences and Arts*. Albena. 2–7 September 2014. Sofia: STEF92 Technology Ltd. pp. 131–138.
50. Dmitriev, A.V. (2020) Strukturirovanie toponimicheskikh dannyykh v svete razrabotki istoriko-toponimicheskogo slovarya Zapadnoy Ingermanlandii [Structuring toponymic data in light of the development of a historical and toponymic dictionary of Western Ingria]. *Linguistica Uralica*. 56. pp. 241–257.
51. Dmitriev, A.V. (2021) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy A–E) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of a historical and toponymic dictionary (letters A–E)]. *Severnorusskie govory*. 20. pp. 143–167.
52. Dmitriev, A.V. (2022) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy Z–M) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of a historical and toponymic dictionary (letters Z–M)]. *Severnorusskie govory*. 21. pp. 250–279.
53. Dmitriev, A.V. (2022) Strukturirovanie toponimicheskikh dannyykh v svete razrabotki istoriko-toponimicheskogo slovarya Zapadnoy Ingermanlandii (Chast' II) [Structuring toponymic data through the development of the historical and toponymic dictionary of Western Ingria (Part 2)]. *Linguistica Uralica*. 58 (3). pp. 199–235.
54. Dmitriev, A.V. (2023) Slavyanskaya oykonimiya Zapadnoy Ingermanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyy komponent istoriko-toponimicheskogo slovarya (bukvy N–Ya) [Slavic oikonymy of Western Ingria in the 16th–17th centuries as a structural component of the historical and toponymic dictionary (letters N–Ya)]. *Severnorusskie govory*. 22. pp. 192–221.
55. Krjukov, A. (1987) Inkerinmaa ja inkeriläiset. *Punalippu*. 8. pp. 123–130.
56. Kryukov, A.V. (2006) [Western Ingria: Ethnic History in the Mirror of Toponymy]. *Severnaya Evropa v XXI veke: priroda, kul'tura, ekonomika* [Northern Europe in the 21st Century: Nature, Culture, Economy]. Additional Proceedings of the International Conference. Petrozavodsk. 24–27 October 2006. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS. pp. 225–227. (In Russian).
57. Kryukov, A.V. (2007) [On the surnames of the Vods and Izhorians]. *Finno-ugorskaya toponimiya v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect]. Proceedings of the Symposium. Petrozavodsk. 25–26 April 2007. Petrozavodsk: Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS. pp. 122–142. (In Russian).
58. Kryukov, A.V. (2012) Somaticheskaya leksika v finskoj geograficheskoy terminologii i toponimii Ingermanlandii [Somatic lexicon in Finnish geographical terminology and toponymy of Ingria]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 8 (1). pp. 289–330.

59. Kryukov, A.V. (2022) Novye toponimy i novaya toponimicheskaya real'nost' (na materiale toponimii Vsevolzhskogo rayona Leningradskoy oblasti) [New toponyms and new toponymic reality (based on the toponymy of the Vsevolzhsk District of the Leningrad Region)]. *Severnorusskie govory*. 21. pp. 280–308.
60. Kryukov, A.V. (2021) K voprosu o peremeshchenii toponimov (na materiale oykonimov Leningradskoy oblasti) [On the issue of toponym movement (based on the Oikonymy of the Leningrad Region)] *Severnorusskie govory*. 20. pp. 168–188.
61. Kirsanov, N.O. (2000) [Prosodic features of Russian toponyms of Ingria as evidence of the ethnic history of the region]. *Etnograficheskoe izuchenie Severo-zapada Rossii (itogi polevykh issledovaniy 2000 g. v Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastiakh)* [Ethnographic Study of Northwest Russia (Results of Field Research in 2000 in the Leningrad, Pskov, and Novgorod Regions)]. Proceedings of the 5th Regional Conference. Saint Petersburg. 17–18 November 2000. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 28–29. (In Russian).
62. Kirsanov, N.O. (2007) Predshestvenniki y v russkoy toponimii Ingermanlandii [Predecessors of 'y' in the Russian Toponymy of Ingria]. *Linguistica Uralica*. 43. pp. 211–217.
63. Kepsu, S. (2000) *Peterburg do Peterburga: Istoriya ust'ya Nevy do osnovaniya goroda Petra* [Petersburg to Petersburg: The History of the Mouth of the Neva to the Foundation of the City of Peter the Great]. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom.
64. Ryabov, D.S. (2007) Toponimiya yuzhnoy chasti Ingermanlandii v XVII veke [Toponymy of the southern part of Ingria in the 17th century]. *Novyy toponimicheskyy zhurnal*. 4. pp. 33–46.
65. Kepsu, S. (2020) *Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus.
66. Ambrosiani, P. (2003) Toponimika Novgorodskoy zemli v Novgorodskom okkupatsionnom arkhive g. Stokgol'ma: Dudorovskiy pogost [Toponymy of the Novgorod land in the Novgorod occupation archive in Stockholm: Dudorovsky pogost]. *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*. Ljubljana. 15–21 August. Lund: Lund University. pp. 7–20. (In Russian).
67. Ambrosiani, P. (2009) [Historical toponymy of the Novgorod Land: names of the pogosts of the Vodskaya Pyatina]. *Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists*. Ohrid. 10–16 September 2008. Umea: Umea University, Department of Language Studies. pp. 9–18. (In Russian).
68. Ambrosiani, P. (2008) Parallelnye nazvaniya v pribaltiysko-finskoy i russkoy oykonimii Ingermanlandii [Parallel names in the Baltic-Finnic and Russian oikonymy of Ingria]. *Voprosy onomastiki*. 6. pp. 83–92.
69. Ernits, E. (2019) Vadja asustusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 65. pp. 23–62.
70. Ernits, E. (2020) Vadja loodus- ja viljelusnimedest. *Esuka – Jeful*. 11–1. pp. 163–211.
71. Ernits, E. (2020) Eesti-Ingeri viljelusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 66. pp. 64–90.
72. Ernits, E. (2023) Vadja väiliskohanimedest 1: Eesti, Soome ja Venemaa. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 69. pp. 35–55.
73. Saar, E. (2015) Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 61. pp. 167–186.
74. Joalaid, M. (2009) [Balto-finnic personal name suffixes]. *Names in Multi-Lingual, Multi-Cultural and Multi-Ethnic Contact*. Proceedings of the 23rd International Congress of Onomastic Sciences. Toronto. 17–22 August 2008. Toronto: York University. pp. 532–541.
75. Rozhanskiy, F.I. (2014) O forme lichnykh imen v vodskom yazyke [On the form of personal names in the Votic language]. In: *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnye etyudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambaluma, from the Varangians to the Greeks. Expeditionary Studies in Honour of Elena Vsevolodovna Perekhval'skaya]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS. pp. 302–316.
76. Raunamaa, J. & Kanner, A. (2022) Clustering names of medieval Novgorod: geographical variation of personal names attested in the census book of Vodskaya pyatina. *Linguistica Uralica*. 58. pp. 241–274.
77. Martynenko, I.A. (2020) Elektronnye resursy kak instrumenty toponimicheskikh issledovaniy [Electronic resources as tools for toponymic research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (211). pp. 114–126.
78. Mishchenko, O.V. (2011) Elektronnaya baza dannykh "Toponimiya Kostromskoy oblasti": obrabotka i sistematzatsiya polevogo materiala [Electronic database "toponymy of the Kostroma region": Processing and systematization of field material]. *Voprosy onomastiki*. 2 (11). pp. 89–104.
79. Absalyamov, Yu.M. & Sirazitdinov, Z.A. (2022) Sozdanie bazy toponimicheskikh dannykh Respubliki Bashkortostan dlya geograficheskikh informatsionnykh sistem [Creation of a toponymic database of the Republic of Bashkortostan for geographic information systems]. *Tiltany*. 1 (85). pp. 123–140.
80. Laboratory of Historical Geoinformatics of Institute of World History RAS. (n.d.) *Veb-GIS "Istoricheskiy atlas Bezhetskoy pyatiny (Tverskoy poloviny) kontsa XV–XVII v."* [Web GIS "Historical atlas of the Bezhetskaya Pyatina (Tver half) from the end of the 15th – 17th centuries"]. [Online] Available from: https://histgeo.ru/our_projects/project/1/. (Accessed: 23.11.2024).
81. Laboratory of Historical Geoinformatics of Institute of World History RAS. (n.d.) *Veb-GIS "Toropetskiy uezd v XVI–XVII vv."* [Web GIS "Toropetsky district in the 16th – 17th centuries"]. [Online] Available from: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/. (Accessed: 23.11.2024).
82. *TORIS Toponymic Research Information System*. (n.d.) [Online] Available from: <http://toris.krc.karelia.ru/papers/source/spb2004/index.ru.phtml>. (Accessed: 23.11.2024). (In Russian).
83. *Eesti kohanimeraamat*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.eki.ee/dict/knr/>. (Accessed: 23.11.2024).

Информация об авторе:

Дмитриев А.В. – канд. филол. наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: avd84@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Dmitriev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: avd84@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2024;
одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 23.11.2024;
approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 29.08.2025.